

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Foreign Literatures

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00050

Т.Н. Джаксон (Москва)

ТЕЗКИ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ: ОБ ОДНОМ ИЗ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ САГОВЫХ ОБРАЗОВ

Аннотация. В этой статье, на основании ряда примеров из исландских королевских саг, автор выясняет, какими путями могли формироваться образы саговых действующих лиц – тех, с кем главные герои пересекались и контактировали в других странах: русских князей, польских и шведских королей, нормандских и саксонских герцогов. Наряду с широко известными правителями, такими, скажем, как Ярослав Мудрый и Олав Шётконунг, в сагах фигурируют персонажи, чьи образы являются собирательными и соединяют в себе черты разных, связанных и несвязанных между собой, исторических лиц. Подобная трансформация образов происходила в сагах не только в процессе долгой устной передачи, но и при единовременном создании письменного текста. Недостаточность информации в источнике и стремление обозначить – в соответствии с саговой традицией – имена и патронимы своих персонажей, добавить характеризующие их детали нередко приводили к тому, что авторы саг «наделяли» своих героев несуществующим родством. Зачастую в заблуждение авторов саг вводило сходство имен исторических личностей. Из двух носителей одного и того же имени (деда и внука, отца и сына, просто тезок) авторы саг, как правило, останавливали свой выбор на более позднем, на том, кто был ближе к ним по времени и мог к моменту сложения/записи саги быть еще на слуху. Они ошибочно переосмыслили дошедшую до них информацию на основании более близкого им хронологически знания, как бы «спрессовывая» историческое время в рамках своего ретроспективного повествования.

Ключевые слова: исландские королевские саги; саговые персонажи; тезки.

T.N. Jackson (Moscow)

Namesakes in Icelandic Sagas: on a Possible Mechanism of Creation of Saga Characters

Abstract. In this paper, using several examples from the Icelandic kings' sagas, the author tries to figure out how the images of saga characters were formed, namely those with whom the main characters intersected and contacted in the other countries, like the Russian princes, Polish and Swedish kings, Norman and Saxon dukes. Along with the well-known rulers, such as, say, Yaroslav the Wise and Olav Skjotkonung, there appear in the sagas characters whose images are collective and represent a combination of fea-

tures of different, related and unrelated, historical persons. This kind of transformation of saga characters took place not only during the long oral transmission, but also in the process of creation of a written text. Lack of information in the source material and a desire to introduce – in accordance with the saga tradition – the names and patronyms of their characters, often led to the fact that saga authors “endowed” their heroes with non-existent kinship. Quite often saga authors were misled by the similarity of names of historical figures. Of the two carriers of the same name (grandfather and grandson, father and son, just namesakes), saga authors, as a rule, opted for a later one, who was closer to them in time and could still be heard at the time when sagas were being created (told or written down). They mistakenly rethought the information that had come down to them on the basis of that knowledge which was closer to them chronologically, as if “pressing” the historical time within the framework of their retrospective narration.

Key words: Icelandic kings’ sagas; saga characters; namesakes.

Исландские королевские саги записывались преимущественно с конца XII до конца XIII в., но мы их знаем по еще более поздним рукописям. История сложения саг в том виде, в котором они до нас дошли, неоднозначна: саги представляют собой сложное переплетение прошедшей через несколько поколений рассказчиков устной традиции, информации других письменных источников, несомненного творческого вклада «автора» саги и изменений, внесенных последующими переписчиками [Andersson 1985; Джаксон 2012]. Я хочу предложить вниманию читателей некоторые наблюдения над путями сложения саговых образов. В частности, я остановлюсь на тех случаях, когда авторы саг ошибались в определении родственных связей своих героев и в заблуждение их вводило сходство имен этих персонажей. В литературе по сагам работ, посвященных конкретно данной тематике, нет, хотя этот частный вопрос представляет интерес в рамках более широкой проблемы так называемого «авторского проникновения» в саговое повествование, активно дискутировавшейся в литературе по сагам в конце 60-х и в 70-х гг. прошлого века [обзор см. в: Jackson 1984]. Стилистика саг такова, что неизвестные в большинстве своем «авторы» саг остаются – в противоположность современным авторам – совершенно незаметными. Но это только на первый взгляд. При более тщательном анализе обнаруживаются следы их присутствия и творческого участия, в частности, в создании образов саговых персонажей. Помимо названной проблемы, рассмотренный в статье материал в какой-то степени затрагивает не менее важный вопрос о механизмах формирования и сохранения исторической памяти, который активно исследуется в настоящее время специалистами по сагам [см.: Scandinavian Studies 2013, 85:3; Handbook 2018]. Именам в сагах немало внимания уделили в своих работах А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский [Литвина, Успенский 2018; Успенский 2001; Успенский 2002], но они говорят прежде всего об именовании саговых персонажей и принципах и законах имянаращения, а вовсе не об ошибках авторов саг, к которым мы сейчас и обратимся.

«Вальдамар, сын конунга Ярицлейва»

В повествованиях саг о событиях в Древней Руси (*Гарды / Гардарики*) и во включенных в саги пространных генеалогиях североевропейских правителей мы не один раз встречаем *Вальдамара, сына конунга Ярицлейва (Valdamarr, sonr Jarizleifs konungs)*. Так, свод королевских саг «Красивая кожа» (ок. 1220 г.) сообщает, что «на Гюде, дочери конунга Харальда, женился конунг Вальдамар, сын конунга Ярицлейва в Хольмгарде (Новгороде. – *Т.Д.*) и Ингигерд, дочери конунга Олава Свенского» [Fagrskinna 1985, 295]. Речь идет, вне сомнения, о браке Владимира Всеволодовича Мономаха, родившегося в 1053 г., великого князя киевского в 1113–1125 гг., и Гиды, дочери английского короля Харальда, сына Гудини. Принятая в науке датировка этого брака – 1074 / 75 г. – опирается лишь на известную по летописи дату рождения их старшего сына Мстислава – февраль 1076 г. Мстислав тоже известен сагам, только не под своим русским именем, а под именем своего английского деда «Харальд» (которое, вероятно, было его вторым именем). Например, Снорри Стурлусон в «Саге о Магнусе Эрлингссоне» свода саг «Круг земной» (ок. 1230 г.) говорит о том, что Ингибьёрг и Мальмфрид были дочерьми «конунга Харальда с востока из Гардов», а «он был сыном Вальдамара Ярицлейвссона» [Snorri Sturluson 1951, III, 375]. В более раннем своде королевских саг, «Гнилая кожа» (1217–1222 гг.), откуда мог черпать информацию Снорри, сообщается, что Сигурд Крестоносец «взял в жены Мальмфрид, дочь Харальда Вальдамарссона с востока из Хольмгарда. Этот Вальдамар был сыном Ярицлейва Старого и Ингигерд, дочери Олава Свенского» [Morkinskinna 2011, II, 105]. Из всех трех сводов королевских саг следует, что их авторы в первой трети XIII в. знали о Владимире Мономахе и воспринимали его как сына Ярослава Мудрого, а вовсе не как внука этого последнего, кем он являлся в действительности (реальная генеалогическая линия такова: Ярослав → Всеволод → Владимир).

Во всем корпусе исландских саг имеется только один текст, причем он наиболее ранний из дошедших до нас, в котором соответствующее генеалогическое звено не пропущено: это редакция S перевода «Саги об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда Сноррасона (латинский оригинал саги возник между 1180 и 1200 гг., список редакции S можно датировать ок. 1300 г. или первой четвертью XIV в., но это не непосредственная обработка латинского текста: исландский перевод был выполнен ок. 1200 г.). О князе Владимире Святославиче здесь говорится следующее: «Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва, отца Хольти, отца Вальдамара, отца Харальда, отца Ингибьёрг, матери Вальдамара, конунга данов» [Óláfs saga 2006, 145]. В редакции A (сохранившейся в норвежском списке, сделанном между 1230 и 1250 гг.) избыточная информация опущена и оставлено лишь такое уточнение: «Этот Вальдамар был отцом конунга Ярицлейва» [Ibid.]. Скорее всего, в латинском оригинале (который до нас не дошел) еще присутствовало потерянное в дальнейшем звено этой генеалогической цепочки: между дедом Ярославом Мудрым и внуком Владимиром Мономахом

упоминается (по крайней мере в редакции S) отец Владимира Мономаха, Всеволод Ярославич («Хольти», надо думать, – его скандинавское имя). Значит, к концу XII в. в исландских клерикальных кругах русская составляющая родословной датского короля Вальдемара I (1157–1182) была известна без искажений и ошибок. Но как могла возникнуть интересующая нас ошибка?

Прежде всего надо отметить, что, хотя сага монаха Одда и относят к числу источников как «Красивой кожи», так и «Круга земного» Снорри Стурлусона, с ней связана в этих сводах лишь «Сага об Олаве Трюггвасоне», так что все упоминания Вальдамара Ярицлейвссона в других сагах всех трех сводов имеют иное происхождение и вполне могут восходить в том числе и к устной традиции. Важную роль в скандинавской истории середины XII в. играли сестры Мальмфрид и Игигерд, дочери Харальда-Мстислава. Первая побывала как на датском (жена Эрика Незабвенного), так и на норвежском (жена Сигурда Крестоносца) троне, а вторая, жена Кнута Лаварда, была матерью датского короля Вальдемара I, получившего имя своего русского прадеда Владимира Мономаха, ставшее впоследствии династическим именем датских королей. Сведения, уходящие глубже в русскую историю, не будучи актуальными для авторов саг и их слушателей (в редких случаях – читателей), могли забыться и подвергнуться искажениям. Но есть один момент, который мог бы объяснить всю ситуацию не стиранием исторической памяти, а соединением в этой памяти одноименных персонажей, что (как будет видно из дальнейшего изложения) нередко встречается в сагах. Дело в том, что у Ярослава Мудрого, кроме внука, был сын по имени Владимир, родившийся в 1020 г. В качестве новгородского князя (1034–1052) Владимир Ярославич имел гораздо больше шансов стать известным в Скандинавии, нежели его брат Всеволод Ярославич, князь переяславский, черниговский, великий князь киевский (1076–1077), устремленный в своей внешней политике в сторону не Скандинавии, а Священной Римской империи. Естественно, мы можем лишь предполагать (но с большой долей вероятности), что появление в сагах вместо Владимира Всеволодовича Мономаха Вальдамара Ярицлейвссона было своеобразной абберрацией памяти, соединением в коллективном историческом сознании одноименных исторических персонажей, а именно сына и внука Ярослава Мудрого.

«Герцог Хейнрек из Брунсвика»

В древнеисландской королевской «Саге о Кнютлингах», написанной, вероятно, Олавом Тордарсоном в середине XIII в., заметную роль играет *герцог Хейнрек из Брунсвика* (*Heinrekr hertogi í Brúnsvík*). Он принимает активное участие в событиях, описанных в гл. 108–127 саги, а именно в противостоянии и борьбе за власть трех датских правителей, троюродных братьев Кнута Магнуссона (1146–1157), Свейна Эйрикссона (1146–1157) и Вальдимара Кнутссона (1157–1182). «Сага о Кнютлингах» с очевидностью распадается на три части, основанные на разных источниках. Издатель

саги Бьярни Гуднасон указывает, что главам 99–126 соответствует кн. 14 труда Саксона Грамматика «Деяния данов» (нач. XIII в.), описывающая события 1134–1178 гг., а гл. 126–127 саги – кн. 15 (1179–1182 гг.). Он полагает, что третья часть саги в целом представляет собой весьма краткий пересказ Саксона с добавлениями из других источников [Bjarni Guðnason 1982, clxiv]. И хотя в науке выдвигалась теория существования общего источника для труда Саксона и саги [Weibull 1915, 234–235], все же надо отдать предпочтение (по причине убедительности ее аргументации) той точке зрения, что автор «Саги о Кнютлингах» был знаком непосредственно с «Деяниями данов» Саксона Грамматика [Albeck 1946, 304–337; Bjarni Guðnason 1982, clv–clxxiv, clxxvi; Mortensen 2012]. В тексте третьей части саги также прослеживаются некоторые совпадения со «Славянской хроникой» Хельмольда из Бозау (1170-е гг.). На том основании, что в этих случаях нередки расхождения с текстом Саксона, Г. Албек заключил, что автор саги был знаком с традицией Хельмольда не через Саксона, а благодаря каким-то более поздним (промежуточным) источникам, с чем согласен и Бьярни Гуднасон [Albeck 1946, 253–267; Bjarni Guðnason 1982, clxxvi].

Надо сказать, что *Хенрик, герцог Саксонии*, многократно упоминается и у Саксона [Saxo, XIV.5.4, 15.6, 16.2, 17.1, 17.3, 17.5–6, 17.8, 25.4, 25.8–13, 27.2, 28.14, 28.22, 30.1–31.1, 34.4, 35.2–4, 37.4, 42.10, 43.1, 44.15, 46.1–3, 48.1–49.1, 52.1, 54.16, 54.18–22, 57.1, 57.5–6; XV.3.1–3, 5.1–5, 5.10], и у Хельмольда [Helmold, I.35, 56, 59, 62, 68, 84, 87, 90, 93; II.1–14], причем именно в тех ситуациях, которые описаны и в саге. Первое его упоминание у Саксона и в саге одинаково: он появляется в рассказе о том, как проигравший очередное сражение Кнут переезжает от одного правителя к другому в поисках военной помощи и приходит к герцогу. Саксон ни слова не говорит о происхождении герцога Хенрика, но автор саги «наделяет» его родством. «Без роду, без племени» в сагах обычно бывают персонажи вымышленные, а реальный саксонский герцог, о котором автор «Саги о Кнютлингах» узнал из труда Саксона, должен был (по законам жанра) быть представлен «по всей форме». И вот мы читаем в саге, что «Кнут Магнуссон поехал на юг в Бримар (Бремен. – *Т.Д.*) к архиепископу Хардвигу, и тот последовал за ним в Брунвик (Брауншвейг. – *Т.Д.*) к герцогу Хейнреку, сыну императора Конрада, и тот принял конунга Кнута. К тому времени император Конрад умер, а императором был тогда Фридрек» [Knytlinga saga 1982, 276]. Снабжая герцога родословной, автор саги нагромождает ошибку на ошибку. По хронологии Саксона и следующей ему саги, речь идет о событиях 1152 г. Фридрих I Барбаросса (Фридрек саги) только что стал королем Германии (1152–1190), но не императором Священной Римской империи (с 1155 г.), его же предшественник на германском троне, Конрад III (1138–1152), императором (как его величает сага) вообще никогда не был. У Конрада и его второй жены Гертруды, действительно, был законный сын по имени «Хейнрек» – Генрих Беренгар, или Генрих IV, пробывший три года коронованным соправителем отца и умерший в 1152 г. в возрасте тринадцати лет. Но совершенно очевидно, что дальше на протя-

женин тридцати лет в саге фигурирует не он. Автор саги вновь совершает ошибку, связанную с совпадением имен, а тот, о ком говорят хронисты, – это *Heinrich der Löwe*, Генрих Лев, сын герцога Саксонского и Баварского Генриха Гордого, герцог Саксонии (1142–1180) и Баварии (1156–1180). Любопытна аналогичная, но не тождественная неточность Хельмольда: его тоже вводит в заблуждение сходство имен – он повествует в основном о Генрихе Льве, но трижды называет его именем-прозвищем его отца, Генриха Гордого.

«Сёрквир Карлссон»

В том же рассказе «Саги о Кнютлингах» о поисках Кнутом военной помощи встречаем еще одну любопытную ошибку автора саги. Он говорит, что Кнут Магнуссон «повстречался в Гаутланде с Сёрквиром Карлссоном, своим отчимом – тот был мужем Рикисы, матери конунга Кнута, – и попросил у него военной помощи» [Knýtlinga saga 1982, 276]. Саксон Грамматик, на чьем известии это сообщение основано, рассказывает, что Кнут посетил своего отчима Сверкона (который после гибели отца Кнута, Магнуса Нильссона, женился на матери Кнута), поначалу был им хорошо принят, а потом бежал от его оскорблений и унижений [Saxo XIV.4.9]. Саксон здесь «теряет» один брак Рикисы. Эта дочь польского князя Болеслава III в действительности была замужем трижды: сначала она была женой датского короля Магнуса Нильссона, затем минского князя Володаря Глебовича и лишь затем шведского короля Сверкера I Старшего (1130–1156). Именно его Саксон называет просто «Сверконом», а автор саги «Сёрквиром Карлссоном» (*Sörkvir Karlsson*), добавляя патроним (так необходимый в соответствии с требованиями жанра саги) и допуская за счет этого очередную ошибку, поскольку это имя (полное имя, с патронимом) носил не Сверкер I, а его внук, шведский король Сверкер II Младший (1196–1208). Что касается деда, то, согласно «Младшему Вестгёталагу», имя его отца – «Cognube», по исландскому «Перечню скальдов» – «Kollr», поскольку там он обозначен как «Сёрквир Колльссон», но никак не «Сёрквир Карлссон». Таким образом, использовав имя, которое, вероятно, было в его время на слуху, Олав заменил деда на внука, которого тогда еще даже не было на свете. Добавление патронима более позднего по времени из двух носителей одного и того же имени изменило картину и внесло ошибку, которую мог совершить автор саги, отталкиваясь от своего источника – текста Саксона Грамматика.

«Рикард, сын Рикарда, сына Вильхьяльма Длинное Копье»

Не все ошибки в именах являются результатом творческого, так сказать, отношения к материалу авторов саг – порой они достаются им из их источников. Яркий пример – родословная нормандских герцогов, называемых в сагах «ярлами Руды», то есть Руана. «Сага о Кнютлингах» повествует о том, как после смерти своего мужа, английского короля Этельреда II, королева Эмма собралась покинуть страну. «Она хотела поехать на запад

в Валланд (во Францию. – *Т.Д.*) к своим братьям, Вильхьяльму и Родберту. Они были ярлами в Валланде. Их отцом был Рикард, ярл Руды, сын Рикарда, сына Вильхьяльма Длинное Копье» [Knýtlinga saga 1982, 107]. Но *Рикард, ярл Руды, сын Рикарда (Ríkarðr Rúðujarl Ríkarðsson)*, приходился Эмме и ее братьям не отцом, а братом: все они были детьми Ричарда I Бесстрашного (ум. 996), сына Вильгельма I, а не его сына Ричарда II Доброго (996–1026). Олав Тордарсон, автор «Саги о Кнютлингах», на этот раз генеалогическую ошибку совершает не сам, а переносит ее из своего источника – «Круга земного» Снорри Стурлусона, где говорится, что «тогда было в Валланде два ярла, Вильхьяльм и Родберт, их отцом был Рикард, ярл Руды. Они правили Нормандией. Их сестрой была королева Эмма... Рикард, ярл Руды, был сыном Рикарда, сына Вильхьяльма Длинное Копье» [Snorri Sturluson 1941, II, 26]. Любопытно, что эта ошибка зафиксирована уже в «Истории англоv» Генриха Хантингдонского (сер. XII в.), где утверждается, что «на 8-м году правления короля Кнута герцог Нормандии Ричард II, отец королевы Англии Эммы, расстался с жизнью» [Генрих Хантингдонский 2015, 269]. Был ли Снорри знаком с трудом Генриха Хантингдонского, достоверно не известно. Скорее, такое представление бытовало в образованных европейских кругах, и в исторической памяти, зафиксированной источниками, из двух тезок, отца и сына, «на первый план» выдвинулся более поздний по времени. При том что «основная» генеалогическая линия (Рёгнвальд, ярл Мёра → Хрольв Пешеход → Вильхьяльм Длинное Копье → Рикард I → Рикард II) не была искажена, ее «боковые» ветви оказались смещены: отцом Эммы, Вильхьяльма и Родберта был «поставлен» Рикард II. Для нас здесь также важен тот момент, что ошибка вновь была связана с одноименностью иностранных правителей.

«Хлёдвер, конунг франков, который завоевал Дамиад»

Мысль о том, что в памяти остается более поздний носитель имени, подтверждает еще один пример из «Саги о Кнютлингах». В главе, повествующей о смерти датского короля Вальдемара I и перечисляющей его потомков, упоминается его «дочь Энгильборг, которую взял в жены Филипус, конунг франков, отец Хлёдвера (Людовика. – *Т.Д.*), конунга франков, который завоевал Дамиад» [Knýtlinga saga 1982, 315]. Имеется в виду дочь Вальдемара и Софии, Ингеборг, жена короля Франции Филиппа II Августа (1180–1223). Брак Филиппа и Ингеборг, заключенный в 1193 г., стал причиной затяжного дипломатического конфликта, ибо Филипп попытался аннулировать брак уже на следующий день после его заключения, мотивируя свой отказ от жены близкородственными связями, что опроверг в написанной по заказу датского короля Кнута VI и архиепископа Абсалона «Генеалогии датских королев» Вильгельм из Эбельхольта [Scriptores minores 1920, I, 176]. Все в саге было бы верно, если бы ее автор не сделал небольшого дополнения. Сообщив широко известные в европейских церковных и властных кругах сведения об этом браке, автор саги «уточнил», что Филипп был отцом того Хлодвера

(Людовика), «который завоевал Дамиад» (*Hlöðver Frakkakonungr, er vann Damiað*). В результате автор допустил очень типичную для саг ошибку, а именно соединение в одном образе двух иностранных правителей-тезок. Дело в том, что «Дамиад», т.е. Дамьетту (соврем. Думьят), в 1249 г. в рамках Седьмого крестового похода захватил не сын Филиппа от первого брака, король Франции Людовик VIII Лев (1223–1226), но внук Филиппа, носящий то же имя, король Франции Людовик IX (1226–1270).

***

Итак, на нескольких примерах, взятых из исландских королевских саг, я попыталась показать, какими путями формировались образы саговых персонажей. Речь шла в основном о тех случаях, когда одни персонажи в сагах заменяют других, носящих то же самое имя, когда сыновья фигурируют в сагах вместо отцов, а внуки вместо дедов, когда фигура сагового персонажа являет собой соединение двух реальных исторических лиц. Авторы саг заимствовали ошибки из своих источников, а также вносили их сами. Трансформация образов происходила не только в процессе устной передачи саг, но и в момент создания письменного текста. Недостаточность информации в источнике и стремление обозначить – в соответствии с саговой стилистикой – имена и патронимы своих персонажей нередко приводили к тому, что авторы саг «наделяли» своих героев несуществующим родством. Саговый материал предоставил нам возможность увидеть механизм работы исторической памяти: зачастую теряется – так сказать, «выпадает из памяти» – более ранний носитель имени. Мы это видели и в ситуации с русским князем Владимиром Ярославичем (*Вальдамаром Ярицлейвссоном*), и с шведским королем Сверкером (*Сёрквиром Карлссоном*), и с нормандским герцогом Ричардом (*Рикардом, сыном Рикарда*), и с французским королем Людовиком (*Хлёдвером, сыном Филиппуса*). Подобная «спрессованность» исторического времени, вероятнее всего, была следствием того, что описание велось ретроспективно, так сказать «с высоты» более позднего знания.

ИСТОЧНИКИ

1. Генрих Хантингдонский. История Англоv / Пер. с лат., вступ. статья, примеч. С.Г. Мереминского. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015.
2. *Fagrskinna – Nóregs konunga tal* / Bjarni Einarsson (Íslenzk fornrit 29). Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1985.
3. *Helmolds Slavenchronik / Dritte Auflage, bearbeitet von B. Schmeidler* (MGH SS rer. Germ. T. 32). Hannover: Hahn, 1937.
4. *Knýtlinga saga // Danakonunga sögur* / Bjarni Guðnason (Íslenzk fornrit 35). Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1982.
5. *Morkinskinna 1–2 / Ármann Jakobsson, Þórður Ingi Guðjónsson* (Íslenzk fornrit 23–24). Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 2011.
6. *Óláfs saga Tryggvasonar eptir Odd munk Snorrason / Ólafur Halldórsson* (Íslenzk fornrit 25). Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 2006.

7. Saxonis Gesta Danorum / J. Olrik, H. Ræder. Haunia: Levin & Munksgaard, 1931.
8. Scriptores minores historiæ Danicæ medii ævi ex codicibus denuo recensuit 1–2 / M.Cl. Gertz. København: I. Kommission hos G. E. C. Gad, 1917–1920.
9. Snorri Sturluson. Heimskringla 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit 28). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1941–1951.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
2. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
3. Успенский Ф.Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001.
4. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002.
5. Albeck G. Knytlinga. Sagaerne om Danmarks Konger. Kjøbenhavn: Nyt Nordisk Forlag, 1946.
6. Andersson Th.M. King's Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / C.J. Clover, J. Lindow (eds.). Ithaca and London: Cornell University Press, 1985. P. 197–238.
7. Bjarni Guðnason. Formáli // Danakonunga sögur (Íslenzk fornrit. B. 35). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. V–CXCV.
8. Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies Interdisciplinary Approaches Vol. 1 / Glauser J., Hermann P., Mitchell S.A. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2018.
9. Jackson T.N. On Snorri Sturluson's Creative Activity: The Problem of Writer Intrusion into the Narrative // Arkiv för nordisk filologi. 1984. B. 99. P. 107–125.
10. Mortensen L.B. A thirteenth-century reader of Saxo's Gesta Danorum // The Creation of medieval Northern Europe. Christianisation, social transformations, and historiography. Essays in honour of Sverre Bagge / L. Melve, S. Sønnesyn. Oslo: Dreyer forlag A/S, 2012. P. 346–355.
11. Weibull C. Saxo. Kritiska undersökningar i Danmarks historia från Estridsens död till Knut VI // Historisk Tidskrift för Skåneland. 1915. B. VI. P. 1–286.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Jackson T.N. On Snorri Sturluson's Creative Activity: The Problem of Writer Intrusion into the Narrative. *Arkiv för nordisk filologi*, 1984, vol. 99, pp. 107–125. (In English).
2. Weibull C. Saxo. Kritiska undersökningar i Danmarks historia från Estridsens död till Knut VI. *Historisk Tidskrift för Skåneland*, 1915, vol. 6, pp. 1–286. (In Swedish).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Andersson Th.M. King's Sagas (Konungasögur). Clover C.J., Lindow J. (eds.). *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide*. Ithaca and London, Cornell University Press Publ., 1985, pp. 197–238. (In English).

4. Mortensen L.B. A thirteenth-century reader of Saxo's *Gesta Danorum*. Melve L., Sønnesyn S. (eds.). *The Creation of medieval Northern Europe. Christianisation, social transformations, and historiography. Essays in honour of Sverre Bagge*. Oslo, Dreyer forlag A/S Publ., 2012, pp. 346–355. (In English).

(Monographs)

5. Albeck G. *Knytlinga. Sagaerne om Danmarks Konger*. Kjøbenhavn: Nyt Nordisk Forlag Publ., 1946. (In Danish).

6. Jackson T.N. *Islandskiyе korolevskiyе sagi o Vostochnoy Evrope. Teksty, perevod, kommentariy* [The Icelandic Royal Sagas of Eastern Europe. Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2012. (In Russian).

7. *Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies Interdisciplinary Approaches*. Glauser J., Hermann P., Mitchell S.A. (eds.). Berlin, de Gruyter Publ., 2018, Vol. 1. (In English).

8. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeystviya* [Praise of Generosity, the Skull Bowl, the Golden Luda... Russian-Varangian Cultural Interaction Contours.]. Moscow, HSE Publishing House, 2018. (In Russian).

9. Uspenskiy F.B. *Imya i vlast': vybor imeni kak instrument dinasticheskoy bor'by v srednevekovoy Skandinavii* [Name and Power: Choosing a Name as an Instrument of Dynastic Struggle in Medieval Scandinavia]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. (In Russian).

10. Uspenskiy F.B. *Skandiny. Varyagi. Rus'. Istoriko-filologicheskiye ocherki* [Scandinavians. Varangians. Russia. Historical and Philological Essays]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. (In Russian).

Джаксон Татьяна Николаевна, Институт всеобщей истории РАН.

Доктор исторических наук. Главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы. Научные интересы: древнескандинавская литература, саговедение, картина мира средневековых скандинавов.

E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

ORCID ID 0000-0001-6302-2061

Tatjana N. Jackson, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Doctor of Hisstory. Chief research fellow at the Department of Byzantine and East European history. Research interests: Old Norse-Icelandic literature, saga studies, world view of medieval Scandinavians.

E-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com

ORCID ID 0000-0001-6302-2061